

АХМАТОВА В ПОЛЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 1940–1960-х гг.: ПРАГМАТИКА И СЕМАНТИКА СТИХОТВОРНЫХ ПОСВЯЩЕНИЙ М. А. И Е. С. БУЛГАКОВЫМ

Галина Михайлова

Вильнюсский университет

В статье рассматривается один из примеров «позиций и траекторий» Анны Ахматовой внутри «поля» русской литературы. Подобные позиционные координаты и «движения» интерпретируются как осознанные поэтом действия (жесты). Эпитафия М. Булгакову, которую Ахматова включала в стихотворный цикл «Венок мертвым», и посвященное Е. Булгаковой стихотворение «Хозяйка» расцениваются как артефакты «культурного производства», причиной и целью которых были не только адресаты, но и стремление Ахматовой сформировать настоящее и будущее определенных фрагментов русского литературного поля.

Ключевые слова: поле литературы, дедикация, иерархия, миф, мемуары, «оттепель».

Keywords: literary field, dedication, hierarchy, myth, memoirs, "thaw".

Теоретической опорой последующих рассуждений является концепция «поля литературы» Пьера Бурдьё (Бурдьё 2000) и, в меньшей мере, имеющиеся немногочисленные разработки жанра дедикации¹.

Стихотворение памяти Михаила Булгакова «Вот это я тебе, взамен могильных роз...» входит в поэтический цикл Анны Ахматовой «Венок мертвым». Ядро цикла на протяжении многих лет оставалось неизменным: это по-

священия И. Анненскому, М. Булгакову, М. Цветаевой, О. и Н. Мандельштамам, М. Зощенко, Б. Пастернаку, Б. Пильняку, Н. Пунину. В разные годы, если судить по планам «Венка мертвым» в записных книжках Ахматовой, в него «вплетались» иные «стихи памяти»: «Заклинание», датированное 15 апреля 1936 г. – днем 50-летней годовщины Н. Гумилева (Записные книжки 1996, 106; Ахматова 1990, I, 401), «Блок» (Записные книжки 1996, 236)², а также

¹ См. статью Д. Кузьмина, в которой представлены содержательные отсылки к наиболее интересным, имеющим отношение к данному вопросу, работам западноевропейских и американских авторов – Ж. Женетта, Р. Чемберса и др. (Кузьмин 2013, 64–67).

² Так, вероятно, в *Записных книжках* Ахматовой обозначено одно из трех стихотворений, посвященных Блоку и опубликованных Ахматовой в книгах *Стихотворения* (1961) и *Бег времени* (1965) в виде цикла «Три стихотворения». Одно стихотворение – «Он прав – опять фонарь, аптека...» – в кн.

«Подвал памяти» и «Новогодняя баллада», персонажами которых являются М. Кузмин и, возможно, Н. Гумилев (Записные книжки 1996, 73, 106, 373).

Посвящение М. Булгакову было написано в день смерти писателя 10 марта 1940 г. (Черных 2008, 318). Такими же непосредственными откликами на смерть писателей являются эпитафии Борису Пильняку («Все это разгадаешь ты один...», 1938), Борису Пастернаку («Умолк вчера неповторимый голос...» и «Словно дочка слепого Эдипа...», написанные в июньские дни 1960 г.) и Михаилу Зощенко («Словно дальнему голосу внемлю...», 1958). Обратим внимание на то, что перечисленные выше адресаты посвящений были связаны с Ахматовой, во-первых, личными отношениями большей или меньшей степени дистантности: Пильняк и Пастернак были ее близкими друзьями, Зощенко и Булгаков – скорее, приятелями. Во-вторых, писательская судьба Ахматовой и этих четырех адресатов включала в себя не только годы официального признания и литературного успеха, но и годы прижизненного и/или посмертного исключения из литературного процесса, носившего либо спорадический, либо непрерывный, длительный характер (в случае Пильняка он длился четыре десятилетия). В-третьих, трое из адресатов – Пильняк, Зощенко и Пастернак – в разные годы были подвер-

гнуты публичному культурному и социальному остракизму, как и сама Ахматова (в августе 1946 г., как известно, вместе с Зощенко).

Перечисленные точки скрещения литературного (и внелитературного) бытия Ахматовой, Булгакова, Пильняка, Зощенко и Пастернака как «незаконных» и внезаконных явлений³ литературы советской эпохи не могли не сформировать у них чувство социальной солидарности и групповой идентичности (при всех личностных и творческих расхождениях). Приведем не самый показательный, но яркий пример из мемуарного очерка Ахматовой «Листки из дневника». Ахматова, гостившая в феврале 1934 г. у Мандельштамов в Нашокинском переулке, была приглашена на вечер к соседям – Булгаковым. На ревнивые волнения Мандельштама: «Вас хотят сводить с московской литературой!» Ахматова ответила: «Нет, Булгаков сам изгой <...>» (Ахматова 1990, II, 171). Немаловажно также, что различные драматические ситуации в жизни названных писателей сопровождались взаимной поддержкой и результативным содействием в их разрешении: Пильняк, Пастернак и чета Булгаковых приняли активное участие в судьбе арестованных Льва Гумилева и Николая Пунина (сына и мужа Ахматовой); Пастернак, Ахматова и Булгаковы пришли на выручку арестованному и отправляющемуся в ссылку Мандельштаму – еще одному адресату «Венка мертвым».

Стихотворения (1958) было озаглавлено «Памяти Александра Блока». Два других – «Пора забыть верблужий этот гам...» и «И в памяти черной, пошарив, найдешь...» – в первопубликациях (в кн. *Стихотворения* 1958 г. и в «Литературной газете» 1960 г.) имели заголовки: «Отрывок из дружеского послания» с посвящением Н. И. Игнатовой и «Из дружеского послания» (Ахматова 1999а, 487, 511; Ахматова 1999б, 367).

³ Формула «незаконное явление» как определение феноменов, оппозиционных узаконенным властью культурным явлениям, зафиксировано в дневниках Е. Булгаковой. Так звучал тост Пастернака в честь Булгакова (Дневник Елены Булгаковой 1990, 91).

Заметим, однако, что позднее, в переструктурированном культурном пространстве 1960-х и 1990-х гг., Ахматова, Булгаков, Пастернак, Зощенко и Пильняк достигли высших статусных ступеней в писательской иерархии не столько как некая единая группа, сконструированная внешними обстоятельствами и/или внутренними интенциями, сколько как отдельные агенты литературного поля с ярко выраженной творческой индивидуальностью.

Ахматовский вклад в изменившуюся, оттепельную, социокультурную ситуацию, на первый взгляд, не очень велик. Но останавливает на себе внимание ее сосредоточенность на необходимости культурно-исторической рефлексии. В сентябре 1957 г. Лидия Чуковская фиксирует в своих записках ахматовский внутренний императив: «Времени у меня осталось так мало <...>, что теперь мне следует писать только то, чего кроме меня никто не напишет» (Чуковская 1997, 516). Ахматова сознает значимость своего «ментального архива» (М. Фуко) для новой истории литературы, которая (как кажется не только ей) начинает формироваться в послесталинскую эпоху. Воздвигнутые или замышляемые издательские «монументы» реабилитируемым авторам или писателям, чье творчество ранее подвергалось ревизии⁴, она планирует дополнить аутентичными свидетельствами – мемуарной прозой, сознавая, возможно, первенство «документа» в

⁴ В 1955 г. в издательстве «Искусство» вышел сборник из двух пьес Булгакова «Дни Турбиных» и «Последние дни»; в 1961 г. издано *Избранное* Цветаевой; в начале 1960-х гг. предполагалось издание стихотворений Мандельштама; в 1965 г. увидели свет *Записные книжки* Блока и т.д.

иерархии форм культурной памяти. Помимо воспоминаний о Мандельштаме, Ахматова пишет заметки о Блоке, делает наброски о Гумилеве. К концу 1962 – началу 1963 г. относятся ахматовские записи о двухдневной встрече с Цветаевой в июне 1941 г. (Записные книжки 1996, 278). Зимой 1966 г., находясь в больнице, Ахматова напишет мемуары о Михаиле Лозинском (Записные книжки 1996, 701–705). Готовясь к исполнению долга памяти перед Пастернаком, в сентябре 1961 г. Ахматова начала работу над очерком «Путь Пастернака» (Черных 2008, 568).

Отдельные просьбы издателей, литературоведов, друзей остались неосуществленными. Известно, что И. С. Зильберштейн от имени редакции «Литературного наследства» просил Ахматову прислать воспоминания о Маяковском, литературовед-любитель А. П. Ломан – о Есенине, а вдова Булгакова – написать воспоминания о Булгакове. Помимо этого Ахматова становится членом комиссии по литературному наследию Мандельштама, принимает участие в вечере воспоминаний о Булгакове в Школе-студии МХАТ.

Утверждать, что Ахматова была равнодушна к собственному месту в структуре поля литературы оттепельных времен, было бы неправдой. Зафиксированная в мемуарах современников «суетность» Ахматовой⁵ была, конечно, окрашена неизбежной для людей литературного сообщества ревностью и соперничеством, жадной читателя, которому не была известна ее зрелая лирика. Но еще в большей степени то,

⁵ См., к примеру: (Воспоминания об Анне Ахматовой 1991, 645; Виленкин 1987, 103–104).

что казалось некоторым современником мелочностью и тщеславием, было выражением **права поэта** (сомнительного права, с точки зрения представителей иных сегментов литературного поля) формировать и корректировать историю русской литературы. Поэтому, к примеру, ее высказывание декабря 1958 г., касающееся травли Пастернака в хрущевские времена: «А ведь по сравнению с тем, что делали со мною и с Зощенко, история Бориса – бой бабочек!» (Чуковская 1997, 341)⁶, – можно прочитывать и как стремление освежить в памяти современников драматические «культурные» события сталинской эпохи. Хотя, разумеется, эта метафора окрашена очень личностной эмоцией: как писалось выше, в отдельных случаях жизненные перипетии адресатов ахматовских посвящений поразительно совпадали с событиями в ее собственной судьбе.

Так случилось и с Булгаковыми. Исключительно уважительное и доверительное отношение Ахматовой к Михаилу Афанасьевичу и Елене Сергеевне, зафиксированное всеми мемуаристами и литературоведами (Павловский 1988; Сахаров 1992; Соколов 1998; Лосиевский 2016 и др.), могло быть основано не только на признании их персональных достоинств и/или писательского таланта, но и на ощущаемом или наблюдаемом ею родстве. Психосоматические реакции Булгакова – его постоянные страх и тревога, вызванные трав-

⁶ Л. Чуковская вспоминает также о тревоге Ахматовой в 1960 г. в связи с публикацией за рубежом «Поэмы без героя» – ждать ли повторения истории с пастернаковским «Доктором Живаго»: «газеты, соборания, лужи, моря, океаны клеветы...» (Чуковская 1997, 371).

матическим опытом пережитого, были хорошо знакомы Ахматовой. Думается (с учетом дальнейшей событий, то есть вынужденной публикацией Ахматовой просталинского цикла «Слава миру!» в 1950 г. и подготовкой ею несколько позднее сборника стихов под таким же названием), что она могла понять и истинные цели минутной (в контексте всего творчества Булгакова) социально-эстетической аберрации, созданной «консерватором до “мозга костей”»⁷, – пьесы «Батум» (1939). В разнообразии предлагаемых булгаковедами мотивов написания и подтекстов этой пьесы я бы остановилась на том, что сближает ее со стихотворным циклом Ахматовой «Слава миру!», – на неправомерности этической оценки этих произведений как актов сотрудничества с властями. Как верно заключает В. Шёллер, пьеса Булгакова была написана во имя спасения жизни (Schoeller 2000, 197). То же самое можно сказать и о цикле Ахматовой.

Безусловную приязнь и родственное чувство вызывал у Ахматовой и «подвиг верности» (В. Виленкин) Е. С. Булгаковой, то есть ее деятельность по продвижению литературного наследия Булгакова с периферии литературного процесса в его центр. «...После всего тяжкого горя, выпавшего на мою долю, я осталась цела только потому, что верю в то, что Миша будет оценен по заслугам и займет свое, принадлежащее ему по праву место в русской литературе», – писала Булгакова в письме к Н. А. Булгакову от 5 декабря 1960 г. (Дневник Елены Булгаковой 1990, 320). В свою очередь, Ахматова начала заниматься наследием Н. Гуми-

⁷ Дневниковая самохарактеристика М. Булгакова (Булгаков 1990).

лева с 1924 г. и продолжала эту работу до самой смерти:

В 1924 три раза подряд видела во сне Х. – 6 лет собирала «Труды и дни» и другой матер<иал>: письма, черновики, воспоминания. В общем, сделала для его памяти все, что можно. Поразительно, что больше никто им не занимался. Т<ак> н<азываемые> ученики вели себя позорно. Роль Георгия Иванова. За границей они все от него отреклись.

(Записные книжки 1996, 667. Запись 1965 г.)

Посвящения Булгаковым, таким образом, могут быть рассмотрены как конфиденциальный жест в адрес людей, объединенных не столько схожестью творческой манеры, сколько общностью судеб и представлений о принципах творческого и жизненного поведения. Добавлю, что посвящение как целенаправленный стихотворный жест одновременно могло являться «актом взаимного кредитования» (П. Бурдье): посвящения, адресатом которых была сама Ахматова, есть у Гумилева, Блока, Цветаевой, Мандельштама, Пастернака, Лозинского; устные и письменные проявления солидарности в отношении Ахматовой есть у Пильняка и Зощенко. Булгаков не был исключением. Писатель Виктор Ардов вспоминал:

Булгаков не скрывал того, что не любит стихов, и Анна Андреевна, зная об этом, никогда не читала своих стихов при нем. Но Михаил Афанасьевич необычайно высоко ценил в Анне Андреевне ее неоспоримый талант, ее блестящую эрудицию, ее высокое человеческое достоинство. И Ахматова на всю жизнь сохранила свое восхищение Булгаковым-писателем и человеком.

(Воспоминания о Михаиле Булгакове 1988, 343)

Итак, эпитафия Булгакову оказалась включенной в цикл «Венок мертвым», стихотворные посвящения которого утверждали определенное количество имен в поле «культурного производства». Помимо этого, «Вот это я тебе, взамен могильных роз...», как и иные дедикации в «Венке мертвым», в пространстве социального функционирования литературы являлось авторской манифестацией, отражающей и утверждающей ценности Ахматовой как агента поля литературы.

Рассмотрим с представленных выше точек зрения рассказанную Виталием Виленкиным (во многом со слов Е. С. Булгаковой) историю булгаковской эпитафии. Эпизод первый: Ахматова, навестив Булгакову 16 апреля 1940 г., то есть вскоре после смерти мужа (Булгакова 1990, 371), прочла ей посвященное Булгакову стихотворение «Вот это я тебе, взамен могильных роз...». Эпизод второй: в день 25-летия со дня смерти Булгакова (10 марта 1965 г.) Ахматова прочла эту дедикацию в доме Булгаковой при гостях.

О первом эпизоде известно следующее:

...она пришла к ней [Булгаковой] совершенно неожиданно, со своим стихотворением, посвященным его памяти (она его включала в свой цикл «Венок мертвым»). <...> Когда она открыла ей дверь, Анна Андреевна сразу, еще в передней, сказала ей, с чем она к ней пришла. И добавила, что эти стихи пока придется просто запомнить. Но это оказалось совсем не просто, потому что у Елены Сергеевны, при ее отличной вообще памяти, всегда, всю жизнь была злосчастная память на стихи, – запоминать их она не умела. При виде ее слез Анна Андреевна сначала тоже рас-

терялась, но тут же сказала, что это ничего, что она будет повторять ей строфу за строфой столько раз, сколько понадобится, что не уйдет, пока она все не запомнит. И с тех пор много лет эти стихи так и оставались только в их памяти.

(Виленкин 1987, 103)

В описанной Виленкиным ситуации 1940 г. создание посвящения, его текст и обстоятельства его оглашения (Ахматова велела Булгаковой выучить стихи наизусть) можно рассматривать как проявление «внутреннего принципа иерархизации» (П. Бурдьё), то есть знак подобия, признания и доверия. Написанной и прочтенной эпитафией Ахматова вводит Булгакова (а заодно с ним и его вдову⁸) в некий элитный литературный круг. К этому моменту она отчасти уже очертила этот круг – его построение завершится в эти траурные дни и последующие месяцы 1940 г. именами тех, кем, практически, исчерпывается определенное художественное суб-поле⁹.

⁸ В данном случае важны прецеденты «изустного» бытования стиха в памяти Булгаковой – хранимые памятью Н. Я. Мандельштам стихи Мандельштама, памятью Л. К. Чуковской и других близких друзей стихи самой Ахматовой.

⁹ В целом (безотносительно к «Венку мертвым») число значимых, с точки зрения Ахматовой, фигурантов литературного поля первой половины XX в. было ограниченным: это соратники Ахматовой по «Цеху поэтов» (Гумилев, Мандельштам, Нарбут, Зенкевич, Лозинский), близкие им по духу и/или судьбе Блок, Цветаева, Пастернак, Замятин, Пильняк, Булгаков, Зошенко, Ходасевич, Чулков, Пунин, Чуковская, Н. Мандельштам, Э. Герштейн, а также – с разного рода оговорками – Маяковский, Кузмин, Есенин, Клоев, В. Ардов, Арс. Тарковский, Петровых, Бродский, Найман, Липкин, Солженицын, В. Корнилов, Самойлов, А. Гитович, А. Сергеев... Разумеется, в разные годы это «ахматовское» литературное поле структурировалось не всеми из вышеперечисленных авторов одновременно.

Это умершие Кузмин, Хлебников¹⁰, Маяковский, Пильняк, Блок¹¹, Замятин, Гумилев и Мандельштам¹², а также еще живая Цветаева¹³. Добавим ко всему сказанному тот факт, что 10–13 марта 1940 г. Ахматова пишет «большую панихиду по самой себе» (Записные книжки 1996, 311) – поэму «Путем всея земли» («Китежанка»).

Ситуация 1965 г. иная: за прошедшие 25 лет со дня смерти Булгакова Ахматова не раз пыталась опубликовать «Венок мертвым», в который она всякий раз включала посвящение автору «Мастера и Маргариты». В марте 1965 г. «Елена Сергеевна, зная, что стихотворение “Памяти Булгакова” уже обещано для сборника воспоминаний о нем, стала просить Анну Андреевну... про-

¹⁰ 18 января 1940 г. написано стихотворение «Подвал памяти» с эпиграфом из В. Хлебникова и упоминанием о смерти одной из центральных фигур артистической жизни предвоенного Петербурга – М. Кузмина («От старости скончался тот проказник...») (Черных 2008, 316).

¹¹ 3-10 марта 1940 г. помечено стихотворение о молодом (что важно, учитывая сложные отношения Ахматовой и Маяковского в послереволюционный период) Маяковском «Маяковский в 1913 году»; 9 марта 1940 г., накануне смерти Булгакова, Ахматова читала Чуковской посвящение Пильняку, написанное в 1938 г., а 11 марта – незаконченное стихотворение «Так отлетают темные души...», героем которого является Гумилев и в котором В. Н. Топоров нашел блоковские мотивы (Черных 2008, 318).

¹² 16 апреля 1940 г. Булгакова записывает: «<...> Потом Анна Ахматова. Прочитала то, что написала для него. Взяла фотографию [речь идет о посвящении Булгакову и о его фотографии]. Сказала: Замятин умер ровно за три года, 10 марта 1937 года» (Дневник Елены Булгаковой 1990, 371); в ряде списков «Поэмы без героя» дата написания Первого посвящения к ней (27 декабря 1940 г.) связывается с предполагаемым днем смерти Мандельштама. Есть свидетельства и о том, что адресат Первого посвящения – Н. Гумилев (Коваленко 2004, 306–307).

¹³ 16 марта 1940 г. написано стихотворение «Поздний ответ», вошедшее затем в цикл «Венок мертвым» (Черных 2008, 319).

читать его за столом» (Виленкин 1987, 103). На тот момент Булгакова являлась одним из двух составителей мемуарного сборника, и в записи Ахматовой от 14 октября 1965 г. читаем: «Елена Серг<еевна> просит написать о Булгакове (“хоть страничку”»)» (Записные книжки 1996, 677).

Отношения между Булгаковым и Ахматовой, познакомившимися летом 1933 г., были, как писалось дружескими, но не близкими: они вращались в разных, достаточно замкнутых, сферах, оберегавших свою культурную автономию и имевших своего адресата: Булгаковы – главным образом в театральном-артистическом кругу, Ахматова – по преимуществу, в литературном и литературоведческом. Возможно поэтому авторское посвящение Булгакову звучит менее интимно и более «высокопарно», чем другие дедикации «Венка мертвым», и не совпадает «с живой, ироничной и чуждой всякого аскетизма и позерства личностью писателя» (Сахаров 1992). Но, думается, что Е. Булгаковой в 1960-е гг. требовалась приблизительно такая велеречивая публичная манифестация в адрес Булгакова: ахматовское стихотворение ставило писателя на возвышенные трагические котурны, особенно если учесть, что Булгакова заботила его посмертная литературная судьба¹⁴. Как пишет Мариэтта Чудако-

ва, «в те годы ей [Булгаковой] нужна была легенда, а не биография <...> – общество требовало и ждало легенды» (Воспоминания о Михаиле Булгакове 1988, 483). При этом настойчивое желание Булгаковой включить в сборник воспоминаний о Булгакове эпитафию и воспоминания Ахматовой совпадало с описанной выше интенцией самого поэта: **переместить критерии и иерархию художественных ценностей «производителей» артефактов в сферу их социокультурного потребления**, где царили шкалы представителей иного фрагмента поля литературы – литературных критиков, издателей и иных властных структур, «скомпрометировавших» себя в предыдущие десятилетия. Но рукопись мемуаров о Булгакове, предложенная к печати в 1967 г., в те годы издана не была. Книга была выпущена только в 1988 г., и в ней нет ни воспоминаний, ни стихотворения Ахматовой. Мемуарная «страничка» Ахматовой написана не была, хотя в *Записных книжках* есть свидетельства того, что булгаковский мемуар входил в ее замыслы (Записные книжки 1996, 683; 708). Что касается стихотворения, то не ясно, была ли на то воля составителей свода воспоминаний (Е. С. Булгаковой и С. А. Ляндреса), Ахматовой или издателей 1988 г.

¹⁴ См., к примеру, свидетельство С. А. Ермолинского: «Он очень ревниво относился к своему литературному имени. Поэтому педантично вырезал... и наклеивал в альбом все отзывы и заметки о себе. Составился целый том (он сохранился) – почти ни одного доброго слова, сплошь нападки, а то и просто клевета. Имена своих “критиков” он запоминал и запомнил на всю жизнь. Передал Лене [Е. С. Булгаковой], как эстафету, весь черный список этих имен. Она наизусть их знала. <...> Не для этого ли Булга-

ков приучил Лену записывать каждый день деловито и сухо – кто был, кто звонил, что сказал? А сам время от времени писал письма Павлу Сергеевичу Попову, живущему по соседству, в тех же арбатских переулках. Казалось бы, зачем писать, ведь можно было встретиться в любой день? Но он писал, потому что это были не письма, а преднамеренные записи о своих литературных делах, настроении, житейских обстоятельствах. Он писал не Пате Попову, а педантичному литературоведу – в будущее...» (Воспоминания о Михаиле Булгакове 1988, 458).

Но общество получило долю булгаковского мифа в исполнении Ахматовой: в 1966 г. стихотворение памяти Булгакова было опубликовано в альманахе «День поэзии» в тандеме с выходом в печать романа «Мастер и Маргарита» (ноябрь 1966 – январь 1967 гг.) и публикацией посвященного Булгаковой ахматовского стихотворения «Хозяйка» (1946, опубликовано в книге Ахматовой *Бег времени*, 1965).

Эпитафия Булгакову достаточно подробно рассмотрена в научной литературе (Яновская 2016; Лосиевский 2016). В созданном Ахматовой образе Булгакова отмечены коннотации отверженности и замалчивания: «И нет тебя, и все вокруг молчит / О скорбной и высокой жизни...» (Ахматова 1990, I, 251), пушкинское мужество и презренье к судьбе: «Ты так сурово жил и до конца донес / Великолепное презренье» (там же), возможные аллюзии к реплике Блока в его «пушкинской речи»: «Его убило отсутствие воздуха» в связи со строками эпитафии «И в душных стенах задыхался» (там же). Здесь добавим – и к известной формулировке Мандельштама «ворованный воздух» как характеристике настоящей, свободной («написанной без разрешения») литературы, а через нее к «Четвертой прозе» как «манифесту личной независимости» (Сурат 2016, 186). Исследователи указали и на итальянский подтекст ахматовского посвящения, найдя в нем парафразы дантовской строки о «великом презрении», процитированной Мандельштамом в его «Разговоре о Данте», и на отсылки к «двоящемуся образу Флоренции-судьбы» в стихотворении самой Ахматовой «Данте» (1936). В строках о смерти: «И гостью страшную ты сам к себе впустил /

И с ней наедине остался» (Ахматова 1990, I, 251) Л. Яновская и И. Лосиевский увидели отголоски ахматовского «Реквиема» – стихотворения «К смерти», датированного августом 1939 г., и ситуации, связанной с персонажем-самоубийцей в «Поэме без героя» (его реплика «Я к смерти готов» синонимична высказыванию главного героя «Гондлы» Гумилева и одновременно является цитатой из разговора Ахматовой с Мандельштамом в феврале 1934 г. (Ахматова 1990, II, 164). Такой богатый реминисцентный слой ахматовского стихотворения имеет свою особенность: он опосредованно включает в себя высоко ценимые автором «классические» либо достойнейшие, с точки зрения Ахматовой, литературные имена: Пушкин, Данте, Блок, Мандельштам, Гумилев. Тем самым имя адресата посвящения внутритекстовым, то есть неочевидным, понятным посвященным, образом вписывается в поле русской и мировой культуры.

Замечу также, что в формировании ореола скорбной торжественности вокруг посвящения Булгакову участвуют те детали эпитафии, которые отсылают к античным погребальным обрядам. И среди этих отсылок – не только отождествление сжигаемого в «медленном [погребальном?] огне» лирического субъекта с «плакальщицей», а ее голоса – с «флейтой», но и возможный античный аллюзивный фон для адресата посвящения, «впустившего» к себе смерть, – то есть обстоятельства кончины, к примеру, Сократа или Сенеки. Косвенное подтверждение подобного соображения можно найти в стихотворении Ахматовой «Борис Пастернак» (1936), в последней строфе которого адресат,

награжденный бессмертием («вечным детством»), обретает прометеевские черты, наделяя «всех» доставшимся ему даром «щедрости и зоркости» (Ахматова 1999а, 427). Если мы согласимся с наличием античного реминисцентного подтекста в эпитафии Булгакову, то это будет еще одним доказательством того, что в определенные эпохи и при наличии определенной авторской установки «мифы о богах и героях становятся биографиями поэтов»¹⁵.

Если же вернуться к образу «страшной гостьи», то есть смерти, добровольно впущенной к себе в дом героем ахматовского посвящения, то, по мнению М. О. Чудаковой, строки Ахматовой подтверждают выдвинутую исследовательницей гипотезу о том, что болезнь и смерть Булгакова были связаны с его сделкой с дьяволом-Сталиным. Чудакова актуализировала связь ахматовского посвящения с семантикой договора с дьяволом в романе «Мастер и Маргарита». Известный булгаковед полагает, что после телефонного разговора с «вождем» в апреле 1930 г. писатель оказался в его полной власти, а прототип «ведьмы» Маргариты – Е. С. Булгакова – была агентом НКВД. Эти факты своей биографии, считает Чудакова, Булгаков ввел во вторую редакцию романа (Чудакова 2014а, Чудакова 2014б, Чудакова 2015)¹⁶. Отнесу эти соображения Чудаковой к области догадок, заметив, что прямые отсылки к «дьявольскому»

пласту романа «Мастер и Маргарита», к образу его центральной героини¹⁷ есть в ином ахматовском стихотворении – в посвящении Елене Булгаковой, датированном 1943 г. (Ахматова 1990, I, 222). Но сказочно-мистические обертоны стихотворения «Хозяйка» (начиная с зачина: «В этой горнице колдунья / До меня жила одна: / Тень ее еще видна / Накануне новолунья») и подчеркнутое сходство субъекта и объекта лирического повествования («Я сама не из таких, / Кто чужим подвластен чарам, / Я сама... Но, впрочем, даром / Тайн не выдаю своих») прокладывают путь к внетекстовым реалиям. Можно предположить, что в ходе необыкновенно доверительных отношений, которые сложились между Ахматовой и Булгаковой в эвакуации в Ташкенте, Булгакова могла поделиться с нею тем, о чем писала в письмах своему брату А. С. Нюрнбергу – полушутливыми-полусерьезными заверениями Булгакова в том, что его жена – «ведьма», приворожила, приколдовала его с первого дня знакомства (Дневник Елены Булгаковой 1990, 326–327).

И здесь отойдем от семантики ахматовских посвящений и вновь вернемся к их прагматике. Думается, что демонизация главных персонажей «Мастера и Маргариты» (а также их прототипов) и политизация содержания романа на сломе XX–XXI вв. и в последующие годы выступают в качестве регуляторов, высвобождающих сознание и мышление всех «агентов» литературного поля от «травм» куль-

¹⁵ Фраза О. М. Фрейденберг в ее письме Пастернаку от 31.01.1947 г., высказанная безотносительно к стихотворению Ахматовой и вызвавшая восторг адресата (Переписка Бориса Пастернака 1990, 236; 237–238).

¹⁶ Гипотеза о «конвенции» Булгаковых с нечистой силой оспаривается Е. А. Яблоковым (Яблоков 2016).

¹⁷ Ахматова слушала этот роман в авторском чтении в 1933 г., читала его в ташкентской эвакуации в 1943 г., перечитывала в 1965-ом (Записные книжки 1996, 684).

турного тоталитаризма любого рода. В оттепельные же годы роман-фантазматическая Булгакова входил, по выражению Б. Дубина, «в круг “заветного” чтения образованных и урбанизированных слоев умеренно-критически настроенной интеллигенции» (Дубин 2010, 186). И посвящения Ахматовой становились частью цементирующей эти читательские слои легенды (одной из сторон легенды) – о мастере и его Маргарите, М. А. и Е. С. Булгаковых. Необходимо принять во внимание и то, что, «оплакивая» писателя, обретшего в эти годы на уровне интеллигентской суб-культуры черты культурного героя, Ахматова тем самым подтверждала высокий статус самой «плакальщицы», тем более что публикация эпитафии Булгакову была посмертной: в этом же, 1966 г., сама Ахматова и ее творчество переместились в сферу нетленных и бесспорных ценностей русской культуры.

Подведем итоги. Посвящение Булгакову было элементом процесса узаконивания писателя: опубликованное – в сфере его официального, «государственного признания», неопубликованное –

в области формируемого Ахматовой литературного канона, отчасти «корпоративного» и во многом противоположного утвержденному и утверждаемому политизированным литературоведением «иконостасу». В 1940–1960-е гг. Михаил Булгаков (и в определенной степени Елена Булгакова) помещался Ахматовой в тот литературный ряд (Гумилев, Мандельштам, Пильняк, Замятин, Пастернак и др.), который циркулировал в полную силу в неподцензурной сфере, и, если и был разрешен к официальному «оглашению», то с оговорками разного рода. Сверхзадачей ахматовского посвящения было не столько сотворение «булгаковского» мифа, сколько утверждение полноценной, не знающей насильственных исключений, истории русской литературы XX века. Под «формированием» нового литературного канона и «утверждением» иной истории русской литературы подразумеваются попытки внесения в поле литературы иных регламентирующих ее норм и стремление узаконить в литературном поле иные, ранее отвергаемые (дискриминируемые), эстетические и этические ценности.

ЛИТЕРАТУРА

Ахматова, А. 1990. *Сочинения в 2-х т.* Москва: Изд-во «Правда».

Ахматова, А. 1999а. *Собрание соч. в 6 т.* Москва: Эллис Лак. Т. 2. Кн. 1.

Ахматова, А. 1999б. *Собрание соч. в 6 т.* Москва: Эллис Лак. Т. 2. Кн. 2.

Булгаков, М. 1990. *Под пятой. Мой дневник 1923 года.* Москва: Изд-во «Правда». Режим доступа: <http://lib.ru/BULGAKOW/dnewnik.txt> [см. 10 05 2017].

Бурдье, П. 2000. Поле литературы. Пер. с фр. М. Гронаса. *Новое литературное обозрение*

45. 22–87. Режим доступа: <http://bourdieu.name/content/pole-literatury> [см. 10 05 2017].

Виленкин, В. 1987. *В сто первом зеркале.* Москва: Советский писатель.

Воспоминания о Михаиле Булгакове 1988. Москва: Советский писатель.

Дневник Елены Булгаковой 1990. Москва: Изд-во Книжная палата.

Дубин, Б. 2010. *Классика после и рядом: Социологические очерки о литературе и культуре.* Москва: Новое литературное обозрение.

Записные книжки Анны Ахматовой (1958–

1966) 1996. Сост. и подготовка текста К.Н. Суворовой, вступ. ст. Э.Г. Герштейн. Москва – Torino: Giulio Einaudi editore.

Коваленко, С.А. [сост.]. 2004. *Петербургские сны Анны Ахматовой. «Поэма без героя» (Опыт реконструкции текста)*. С.-Петербург: ООО Изд-во «Росток».

Кузьмин, Дм. 2013. К функциональной типологии посвящений. *Toronto Slavic Quarterly (TSQ)* 45. Summer 2013. University of Toronto. 64–85.

Лосиевский, И. 2016. Слово Ахматовой: толкования и домыслы (послесловие к публикации Л. Яновской «“Великолепное презрение...” (Булгаков и Ахматова)». *Toronto Slavic Quarterly (TSQ): Academic Electronic Journal in Slavic Studies* 56. Spring 2016. University of Toronto. Режим доступа: <http://sites.utoronto.ca/tsq/56/Yanovskaya56.pdf> [см. 12 05 2017].

Павловский, А.И. 1988. Булгаков и Ахматова. *Русская литература* 4, 3–16.

Переписка Бориса Пастернака 1990. Москва: Художественная литература.

Сахаров, В.И. 1992. А. Ахматова и М. Булгаков. *«Царственное слово». Ахматовские чтения*. Вып. 1. Москва: Наследие. 203–206. Режим доступа: <http://www.akhmatova.org/readings/vypusk1/saharov.htm> [см. 01 06 2017].

Соколов, Б. 1998. *Булгаковская энциклопедия*. Москва: Локид – Миф. 25–28.

Сурат, И. 2016. Откуда «ворованный воздух»? *Новый мир* 8, 184–191.

Черных, В.А. 2008. *Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. 1889–1966*. Изд. 2-е, испр. и доп. Москва: ИНДРИК.

Чудакова, М.О. 2014а. *Добрая ведьма. Дилетант: исторический журнал* 7, 32–35.

Чудакова, М.О. 2014б. *Маргариты и Мастера. Интервью радиостанции «Эхо Москвы»*. 31 июля 2014 г. Режим доступа: <http://echo.msk.ru/programs/Diletanti/1369512-echo/15-05-2015> [см. 12 05 2017].

Чудакова, М.О. 2015. *Мастер и Мариэтта. Интервью газете «Московский комсомолец»*. 15 мая 2015 г. Режим доступа: <http://books.vremya.ru/main/4273-marietta-chudakova-poslednie-glavy-romana-druzya-bulgakova-slushali-okochenev-ot-uzhasa.html> [см. 12 05 2017].

Чуковская, Л.К. 1997. *Записки об Анне Ахматовой*. В 3- т. Москва: Согласие. Т. 2.

Яблоков, Е. 2016. *Замогильный юбилей*. К 125-летию Булгакова. *Colta* 13 мая 2016 г. Режим доступа: <http://www.colta.ru/articles/literature/11044> [см. 12 05 2017].

Яновская, Л. 2016. «Великолепное презрение...» (Булгаков и Ахматова). Предисл., подгот. текста А. Яновского. *Toronto Slavic Quarterly (TSQ): Academic Electronic Journal in Slavic Studies* 56. Spring 2016. University of Toronto. Режим доступа: <http://sites.utoronto.ca/tsq/56/Yanovskaya56.pdf> [см. 12 05 2017].

Schoeller, W. F. 2000. *Michail Bulhakow*. Wrocław: Wydawnictwo Dolnośląskie.

REFERENCES

Akhmatova, A. 1990. *Sochinenija v 2 t.* [Works in 2 vol.]. Moscow: Pravda Publ.

Akhmatova, A. 1999a. *Sobranie soch. v 6 t.* [Collection of works in 6 vol.]. Moscow: Ellis Lak Publ. Vol. 2. Book 1.

Akhmatova, A. 1999b. *Sobranie soch. v 6 t.* [Collection of works in 6 vol.]. Moscow: Ellis Lak Publ. Vol. 2. Book 2.

Bulgakov, M. 1990. *Pod pjatoj. Moj dnevnik 1923 goda* [Under the heel. My diary for the year 1923]. Moscow: Pravda Publ. Available at: <http://lib.ru/BULGAKOW/dnevnik.txt>. Accessed: 10 May 2017.

Bourdieu, P. 2000. *Pole literary* [The Literary Field]. Translated by M. Gronas. *Novoe literaturnoe obozrenie* 45, 22–87.

Chernykh, V.A. 2008. *Letopis' zhizni i tvorчества Anny Akhmatovoi* [Chronicle of the life and work of Anna Akhmatova]. Moscow: INDRIK Publ.

Chudakova, M.O. 2014a. *Dobraja ved'ma* [Kindhearted witch]. *Diletant: istoricheskij zhurnal* [Diletant: historical magazine] 7. 32–35.

Chudakova, M.O. 2014b. *Margarity i Mastera* [Margarita and Masters]. An interview on the Echo of Moscow radio station. 31 July 2014. Available

at: <http://echo.msk.ru/programs/Diletanti/1369512-echo/15-05-2015>. Accessed: 12 May 2017.

Chudakova, M.O. 2015. Master i Marijetta. [Master and Marietta]. An interview to the newspaper "Moskovskij komsomolec". 15 May 2015. Available at: <http://books.vremya.ru/main/4273-marietta-chudakova-poslednie-glavy-romana-druzja-bulgakova-slushali-okochenev-ot-uzhasa.html>. Accessed: 12 May 2017.

Chukovskaia, L.K. 1997. *Zapiski ob Anne Akhmatovoi v 3 t.* [Notes about Anna Akhmatova. In 3 vol.]. Moscow: Soglasie Publ. Vol. 2.

Dnevnik Eleny Bulgakovej [Elena Bulgakova's diary] 1990. Moscow: Izd-vo Knizhnaja palata Publ.

Dubin, B. 2010. *Klassika posle i rjadom: Sociologicheskie ocherki o literature i kul'ture* [Classic, after and next: Sociological essays on literature and culture]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ.

Kovalenko, S.A. [Com]. 2004. *Peterburgskie sny Anny Akhmatovoj. «Pojema bez geroja» (Opyt rekonstrukcii teksta)* [Anna Akhmatova's St. Petersburg dreams. "Poem without a Hero" (Experience of reconstruction of the text)]. St.-Petersburg: OOO Izd-vo "Rostok" Publ.

Jablokov, E. 2016. Zamogil'nyj jubilej. K 125-letiju Bulgakova [Sepulchral anniversary. For the 125th anniversary of Mikhail Bulgakov]. *Colta* 13 May 2016. Available at: <http://www.colta.ru/articles/literature/11044>. Accessed: 12 May 2017.

Janovskaja, L. 2016. «Velikolepnoe prezren'e...» (Bulgakov i Akhmatova) ["Magnificent contempt..."] (Bulgakov and Akhmatova). Preface, text preparation by A. Janovskij. *Toronto Slavic Quarterly (TSQ): Academic Electronic Journal in Slavic Studies* 56. Spring 2016. University of Toronto. Available at: <http://sites.utoronto.ca/tsq/56/Yanovskaya56.pdf>. Accessed: 12 May 2017.

Kuz'min, Dm. 2013. K funkcional'noj tipologii posvjashhenij [To functional typology of dedi-

cations]. *Toronto Slavic Quarterly (TSQ)* 45. Summer 2013. University of Toronto. 64–85.

Losievskij, I. 2016. Slovo Akhmatovoj: tolkovaniya i domysly (posleslovie k publikacii L. Janovskoj «Velikolepnoe prezren'e...») (Bulgakov i Akhmatova) [Akhmatova's word: interpretation and conjectures (the afterword to L. Janovskaja's publication «"Magnificent contempt..."» (Bulgakov and Akhmatova))]. *Toronto Slavic Quarterly (TSQ): Academic Electronic Journal in Slavic Studies* 56. Spring 2016. University of Toronto. Available at: <http://sites.utoronto.ca/tsq/56/Yanovskaya56.pdf>. Accessed: 12 May 2017.

Pavlovskij, A. I. 1988. Bulgakov i Akhmatova [Bulgakov and Akhmatova]. *Russkaja literatura* 4, 3–16.

Perepiska Borisa Pasternaka [Correspondence of Boris Pasternak]. 1990. Moscow: Hudozhestvennaja literatūra Publ.

Saharov, V. I. 1992. A. Akhmatova i M. Bulgakov [A. Akhmatova and M. Bulgakov]. "Carstvennoe slovo". *Akhmatovskie chtenija* [The Regal Word. Readings in Akhmatova]. Issue 1. Moscow: Nasledie Publ. 203–206. Available at: <http://www.akhmatova.org/readings/vypusk1/saharov.htm>. Accessed: 01 June 2017.

Schoeller, W. F. 2000. *Michail Bulhakow*. Wrocław: Wydawnictwo Dolnośląskie.

Sokolov, B. 1998. *Bulgakovskaja jenciklopedija* [Bulgakov Encyclopedia]. Moscow: Lokid – Mif Publ. 25–28.

Surat, I. 2016. Otkuda "vorovannyj vozduh"? [Where Did "Stolen Air" Come From?]. *Novyj mir* 8, 184–191.

Vilenkin, V. 1987. *V sto pervom zerkale* [In the One Hundred and First Mirror] Moscow: Sovetskij pisatel' Publ.

Vospominanija o Mihaile Bulgakove [Reminiscences of Mikhail Bulgakov]. 1988. Moscow: Sovetskij pisatel' Publ.

Zapisnye knizhki Anny Akhmatovoi (1958–1966) [Anna Akhmatova's notebooks (1958–1966)]. 1996. Moscow – Torino: Giulio Einaudi editore.

ANNA AKHMATOVA IN THE RUSSIAN LITERARY FIELD (1940s–1960s): PRAGMATICS AND SEMANTICS OF THE POETIC DEDICATIONS TO M. A. BULGAKOV AND E. S. BULGAKOVA

Galina Mikhailova

S u m m a r y

This article is based on Pierre Bourdieu's theory of fields, more precisely – on the concept of the literary field. The poetic dedication to Mikhail Bulgakov is considered as one of examples of Anna Akhmatova's "positions and trajectories" in the Russian literary field.

An epitaph to Mikhail Bulgakov, which was included in the poetic cycle *A Wreath for the Dead*, and the poem *Hostess*, devoted to Elena Bulgakova, are regarded as certain artifacts the reason and purpose of which were not only in the addressees of dedications.

The history of creation and announcement of the epitaphs (in the censored and not censored circumstances) as well as the semantics of these poems show

the aspiration of the poet to contribute to the sphere of "cultural production," which was corrected in the "thaw" years. Akhmatova, as an "agent" of the cultural field, had the considerable "symbolic capital" and sought to take part in the course of a statement of other (not Soviet) regulating norms and the others, the earlier rejected (discriminated) as well as the aesthetic and ethical values in the modern Russian literary field.

Certain "movements" of Akhmatova in this direction coincided with the "gestures" of Elena Bulgakova and the other "agents" of the literary field, who moved Mikhail Bulgakov's personality and works from the periphery of cultural process to its center.

ANA AKHMATOVA 1940–1960 m. RUSŲ LITERATŪROS LAUKE: EILIUOTŲ DEDIKACIJŲ M. A. IR J. S. BULGAKOVAMS PRAGMATIKA IR SEMANTIKA

Galina Michailova

S a n t r a u k a

Straipsnis remiasi prancūzų sociologo ir filosofo Pierre'o Bourdieu „laukų“ teorija, tiksliau – „literatūros lauko“ sąvoka. Michailui Bulgakovui dedikuotos Anos Achmatovos eilės nagrinėjamos kaip vienos iš Achmatovos „pozicijų ir trajektorijų“ rusų literatūros lauke.

Šios pozicijos koordinatės ir „judėjimai“ yra traktuojamas kaip iš anksto apgalvoti poeto veiksmai (gestai). „Epitafija“ Michailui Bulgakovui, įtraukta į poetinį ciklą „Vainikas mirusiems“, kaip ir Jelenai Bulgakovai dedikuotas eilėraštis „Šeimininkė“, įvertinami kaip artefaktai, kurių priežastis ir tikslas – ne tik dedikacijų adresatai.

„Epitafijos“ sukūrimo ir paskelbimo istorijos,

susiklosčiusios dėl cenzūros ir necenzūros aplinkybių, o taip pat eilėraščių semantika rodo, kad Achmatova siekė įnešti savo dalį į „kultūros produktų gamybos“ sferą, kurį buvo koreguojama „atšilimo“ metais. Achmatova kaip savo laiko kultūros lauko „agentė“, turinti nemažą „simbolinį kapitalą“, siekė dalyvauti kitų (nesovietinių) literatūros lauko reguliavimo normų ir kitų (ankščiau atmetų ir diskriminuotų) estetinių ir etinių vertybių įteisinimo procese.

Tam tikri Achmatovos „judesiai“ šia kryptimi sutapo su J. Bulgakovos ir kitų literatūros lauko „agentų“ „gestais“ siekiant perkelti M. Bulgakovo asmenybę ir kūrybą iš kultūrinio proceso periferijos į centrą.

Получено: 2017, сентябрь

Принято: 2017, октябрь

Adres autora:

Vilniaus universitetas

Baltijos kalbų ir kultūrų institutas

Universiteto g. 5

LT-01513 Vilnius Lietuva

E-mail: galina.michailova@flf.vu.lt